

Внешняя политика

Популярная мифологическая концепция о предполагаемом вторжении Красной Армии в Европу, как претворении страте-

³⁰ Судебный отчет по делу троцкистско-зиновьевского террористического центра. СПб.: Арт-Экспресс», 2018.

³¹ Кон И. С. Клубничка на берёзе: Сексуальная культура в России. М.: Время, 2010. С. 132–136.

гии мировой революции, не выдерживает проверки не столько в связи с военно-техническими реалиями, сколько при проведении ее исторической контекстуализации³². Агрессия мировой революцией имела совершенно иное содержание, чем геополитический имперский курс сталинской эпохи. Доктрина интернационального проекта классовой борьбы пролетариата антиномична внешнеполитической доктрине Сталина, ориентированной на торжество России как исторического субъекта. Мифологизированное упрощенчество подводит под один знаменатель коминтерновский экспансионизм левого направления общественной мысли и имперский экспансионизм традиционалистской идеологии. Причем последняя в той же мере разнится и с правым империализмом, как марионеточным механизмом политической воли олигархической закулисы. Еще в марте 1936 г. на расспросы американского корреспондента Р. Говарда о планах большевиков по осуществлению мировой революции генеральный секретарь ВКП(б) высказал удивление: «Какая мировая революция? Ничего не знаю, никаких таких планов и намерений у нас не было и нет»³³.

Симптоматично, что в разгар Великой Отечественной войны, когда, казалось бы, перспективно было задействовать механизм классовой борьбы в тылу Вермахта, Коминтерн был распущен. Вместо текста Эжена Потье, как гимн СССР провозглашались стихи, имеющие русоцентристское содержание. Претензии на Финляндию, Прибалтику, Западную Белоруссию и Украину, Бессарабию и др. преподносились как восстановление исторических прав России на данные территории. В обращении к народу 2 сентября 1945 г., в связи с капитуляцией Японии, Сталин интерпретировал победу СССР как реванш за фиаско в русско-японской кампании: «...поражение русских войск в 1904 году в период русско-японской войны... легло на нашу страну черным пятном... Сорок лет ждали мы, люди старого поколения, этого дня. И вот этот день наступил. Сегодня Япония признала себя побежденной...»³⁴ Если для левого интернационалистского лобби в ВКП(б) Цусима являлась основанием для торжества над дегенерирующим царским режимом («чем хуже,

³² Суворов В. Ледокол. Кто начал Вторую мировую войну. Нефантастическая повесть-документ. М.: Новое время, 1992.

³³ Иванов А. М. Логика кошмара. М.: Русский вестник, 1993. С. 134.

³⁴ Сталин И. О Великой Отечественной Войне Советского Союза. М.: Политическая литература, 1946. С. 182.

тем лучше»), то Сталин декларировал, что в течение сорока лет (!) вынашивал реванш за унижение самодержавия.

Судя по воспоминаниям В. М. Молотова, Сталин оценивал итоги своей деятельности на международной арене не как вождь мирового пролетариата, а как собиратель рассеянных земель старой России. «На Севере, — рассуждал он, — у нас все в порядке, нормально. Финляндия перед нами очень провинилась, и мы отодвинем границу от Ленинграда. Прибалтика — это исконно русские земли! — снова наша, белорусы у нас теперь все вместе живут, украинцы — вместе, молдаване — вместе. На Западе нормально. — И сразу перешел к восточным границам. — Что у нас здесь?.. Курильские острова наши теперь, Сахалин полностью наш, смотрите как хорошо! И Порт-Артур наш, и Дальний наш, — Сталин провел трубкой по Китаю, — и КВЖД наша. Китай, Монголия — все в порядке... Вот здесь мне наша граница не нравится! — сказал Сталин и показал южнее Кавказа»³⁵. Из имперского прошлого вновь воскрешались планы освобождения Константинополя. По поручению Сталина Молотов прорабатывает по каналам ООН вопрос о переходе пролива Босфор и Дарданеллы под юрисдикцию СССР, или по меньшей мере о статусе совместного с Турцией управления. Была даже предпринята попытка одностороннего введения в проливы советской военной флотилии, чему воспрепятствовало превентивное вхождение в территориальные воды Турции английских судов. Как восстановление исторических границ и этнической целостности народов Закавказья, предполагалось осуществить аннексию у Ирана азербайджанских, а у Турции грузинских и армянских земель. Возвращение горы Арарат, первой тверди послепотопной цивилизации, как сакрализованного символа Армении, могло выполнить не только миссию исторического реванша за геноцид 1915 г., но и явиться восстановлением российского геополитического и цивилизационного ареала в его максимальных исторических границах. Ленинская политика сотрудничества с кемалистским режимом заменялась традиционным еще для Российской империи отношением к Турции в качестве врага России³⁶.

По предварительной договоренности с кабинетом Мао, рассматривался проект присоединения к СССР, в статусе республики, Маньчжурской области, как зоны амбиций старой

³⁵ Чуев Ф. Сто сорок бесед с Молотовым. М.: Терра, 1991. 624 с. С. 15.

³⁶ Там же. С. 102.

имперской политики и края, подвергнутого значительной русификации («Желтороссия»). По аналогии с замыслом царской дипломатии о создании славянофильски ориентированной Великой Болгарии, планировалось образование Балканской Федерации. Существовал также план федеративного объединения Польши и Чехословакии. Реализация этих планов фактически бы подводила к осуществлению надежд панславистов девятнадцатого столетия, во главе с Николаем Данилевским³⁷.